

ЖИЗНЕМОДЕЛИРУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ПИСАТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-Х ГОДОВ

В статье рассматривается взаимосвязь жизни и творчества Ю.К.Олеши. Исследуется главная загадка столь неоднозначно оцененного писателя. Молчание Ю. К. Олеши понимается не как «неудача» художника слова, а как жизнемоделирующая стратегия писательского поведения.

The interrelation of J.K.Oleshi's life and creativity is considered in article. The main riddle of the so ambiguously estimated writer is investigated. Silence of J.K.Olesha is understood as way of live strategy of the author's behaviour, but not as «failure» of word's artist.

Ю.К.Олеша – один из самых загадочных русских писателей XX века. Оценка его творчества менялась от полюса всесоюзной славы к почти полному забвению. С регулярной периодичностью вокруг имени этого художника с новой силой возникает острая полемика: исследователи видят в нем то сдавшего интеллигента [4], то хорошего плохого нерусского писателя [5, 6]. Работы И.П.Вдовиной [9], В.В.Бадикова [3], В.И.Бурдина [8], Е.И.Розановой [19], В.А.Морозовой [15], М.О.Чудаковой [24], И.Г.Панченко [17], В.О.Перцова [18], О.Г.Шитаревой [26], И.В.Саморуковой [20], С.Р.Федякина [23], И.Н.Арзамасцевой [1], В.В.Гудковой [11, 12] и других [12, 13, 22, 30] определили Ю.К.Олешу как мастера литературы, вписав его творчество в ряд непреходящих культурных ценностей. Однако, несмотря на неослабевающий интерес к идейно-эстетическим исканиям писателя, ни личность художника, ни его произведения не объясняются никакой из исследовательских концепций с исчерпывающей однозначностью.

Самым сложным и спорным вопросом, манящим мнимой простотой ответа, является молчание Ю.К.Олеши. Период плодотворной работы, писательской удачи укладывается, по сути, в пятилетие: с 1927 года, прославившего автора публикацией в «Красной Нови» романа «Зависть», до 1931 года, ознаменованного постановкой В. Мейерхольдом «Списка благодеев». В это время написаны «Три толстяка» (в 1928 году роман, в 1929 году пьеса), «Заговор чувств» (1929 г.), «Легенда» (1927 г.), «Мой знакомый» (1929 г.), «Альдебаран» (1931 г.), «Кое-что из секретных записей попугайчика Занда» (авторская дата в рукописи – «1931 г., декабрь. Москва» [2, с. 565]) и сборник рассказов «Вишневая косточка» (1931 г.), включающий произведения 1927–1930 годов: «Любовь» (1928 г.), «Цепь» (1929 г.), «Лиомпа» (1927 г.), «Человеческий материал» (1929 г.), «В цирке» (1929 г.), «Записки писателя» (1930 г.) («В мире», 1937 г.), «Я смотрю в прошлое» (1929 г.), «Пророк» (1929 г.), «Вишневая косточка» (1929 г.).

После рокового 1931 года произведений становится не только меньше, но и качество их совершенно меняется: «Разговор в парке» (1933 г.)¹, «Стадион в Одессе» (1936 г.), «Первое мая» (1936 г.), «Наташа» (1936 г.), «Комсорг» (1936 г.), «Три рассказа» (1. Эжен Даби, 2. Полет, 3. Летом) (1936 г.), «Зрелища» (1937 г.), «Мы в центре города» (1937 г.), «Туркмен» (1944 г.), «Зеркальце» (1945 г.), «Воспоминание» (1947 г.), «Иволга» (1947 г.), «Друзья» (1949 г.). В жанровом отношении – это, в основном, документальные рассказы, уже не будет ни романов, ни сказок. Попытка обращения к драматическому жанру также не увенчается успехом: начатые пьесы, например, «Черный человек» (1932 г.), останутся

¹ Этот рассказ общностью темы связан с киносценарием «Строгий юноша» (1934) и «Голубой книгой» М.М.Зощенко. В эволюции повествовательной манеры обнаруживается новый тип рассказа, что позволяет разделять произведения до 1931 года и после.

незавершенными. Будут еще написаны статьи и воспоминания, но и они не превысят объема страниц, созданных в пору творческого расцвета писателя.

В биографии Ю.К.Олеши оппозиционны два этапа: период пятилетней плодотворной работы против последующего почти тридцатилетнего молчания. Конечно, такое деление условно: отдельные фрагменты не вписываются в общую хронологическую канву. Например, авторская дата на неполностью сохранившемся машинописном тексте «Трех толстяков» – «28 января 1924 г.» и «Речь на I всесоюзном съезде советских писателей», произнесенная в 1934 году, позволяют раздвинуть границы творческой «плодовитости» Ю.К.Олеши. Здесь можно увидеть авторскую мистификацию, поддерживающую имидж работающего писателя, что особенно ярко проявилось в бытовом поведении Ю.К.Олеши этого времени. Не случайно он сохранял при себе писательскую атрибутику: «При нем всегда были папиросы, разодранный коробок спичек и рядом потертый, почти золотистого цвета, некогда коричневый портфель» [10, с. 100]. Однако даже десятилетие художественного слова не снимает оппозиционности последующим годам.

Критики и литературоведы пытались объяснить столь «странное поведение» после 1931 года социальными причинами, связанными с усиливавшимся в это время давлением власти (А.В.Белинков, В.О.Перцов, В.В.Гудкова). Другие, оставляя без внимания «недостаток» тридцатилетнего отсутствия слова, занимались исследованием поэтики, языка, стиля ранних произведений короля метафор (М.О.Чудакова, О.Г.Шитарева, Н.Р.Скалон). Работы последних лет (Н.Елисеев, М.Вайскопф, М.Евзлин, Д.Пашин) открывают новые пути прочтения текстов Ю.К.Олеши.

Попытка осмыслить наследие автора «Зависти» с позиций фрейдизма (В.П.Руднев, А.И.Куляпин) предлагает еще один ключ к разгадке тайны уникальной личности Ю.К.Олеши. Так появление тридцатилетнего молчания писателя может оказаться вполне закономерным.

Рассматривая ряд причин, заставивших мастера художественного слова сделать свой выбор в пользу писательского «небытия», следует подчеркнуть, что социально-идеологический аспект этого вопроса не может быть исключен. Ю. К. Олеше были известны репрессии, которым подверглись, в том числе, и близкие друзья писателя. Но слишком просто в его выступлениях в печати (Великое народное искусство. Из речи тов. Ю.Олеши // Лит газ. № 17. от 20 марта 1936 г.) видеть сублимацию страха, деформацию души и любовь к Большому Брату [21]. Безосновательно понимать Ю.К.Олешу и как отступника от вечных ценностей, испуганного капитулянта, предателя идеалов [4].

Не совсем правомерна также попытка увидеть упорное противостояние террору в урывочном обращении к дневникам в плохое для письменных откровений время: «В болезненных самоописаниях Олеши сквозит невроз эпохи. Это не просто детские страхи, заявляющие о себе в не менее страшной взрослой жизни. Нервные расстройства, почти безумие, Мандельштама, Зощенко и Булгакова, знаки распада сознания в вещах Хармса, Олейникова и прочих обэриутов, – по-видимому, связаны не столько с личными, «отдельными» душевными травмами каждого из них, сколько с всеобъемлющим ужасом тридцатых, да и двух последующих десятилетий» [14].

Эпоха, без сомнения, нашла отражение в письменных и устных текстах Ю.К.Олеши. Однако художник никогда не стремился противопоставить себя новому миру. Напротив, в «Речи на I всесоюзном съезде советских писателей», определившей перелом в его творчестве, Ю.К.Олеша заявляет о слиянии с социалистическим обществом, о своей нужности молодым людям и молодым девушкам, воплоителям нравственной стороны коммунизма. И не было страха в этой почти горьковской идее, что «[п]исатель должен быть воспитателем и учителем» [16, с. 500].

Молчание Ю.К.Олеши поднимает вопрос о том, можно ли считать литературой, созданное им после 1931 года. В своих дневниках писатель признается в русской

слабости: «Литература окончилась в 1931 году... Я пристрастился к алкоголю». Винопитие в жизни и творчестве Ю.К.Олеша является темой отдельного исследования. Однако, принимая во внимание художественные особенности дневниковых записей, нельзя отнестись к авторскому признанию лишь как к банальной констатации факта биографии.

Алкоголизм становится еще и способом особой игры, литературной мистификации под маской алкоголика. Столь пристальное внимание к собственному заболеванию было обусловлено и личной душевной драмой.

Ненормальность как свобода от нормы обозначает выбор писателем стратегии юродствующего. Заболевание открывает художнику дверь в специализированное лечебное заведение, которое кажется ему миром покоя и благоденствия.

Место «пития», временное пространство общего пользования с высоким названием «Националь», притягивало Ю.К.Олешу. Здесь он мог свободно разыгрывать свои роли, не ожидая вмешательств со стороны знакомых, спешивших подправить расстроившуюся жизнь. Официантка ресторана относилась к писателю как к простому завсегдатаю. Он был хозяином застолий, королем «пьяных» бесед, сам называл себя «князем «Националя».

Ресторан напротив московского Кремля выбран не случайно. В демонстративном поведении писателя читается вызов власти.

Ю.К.Олеша будто моделировал трагедию художника. В пути к счастливому будущему бытовое поведение писателя позволяет современникам называть его новым Диогеном, советским дервишем и т.п. Таким образом, молчание объясняется еще и философией нищеты Ю.К.Олеша, главное из которой это то, что «бедность» художника определяет его особый статус избранного.

Пророческая сущность писателя подчеркивалась и друзьями Ю.К.Олеша. И.Э.Бабель утверждал приход литературного мессии из Одессы. По Бабелю, Горький, первый писатель, рисующий (правда, от ума) солнце, был предтечей. Родившийся в Елизаветграде Ю.К.Олеша вполне осознанно понятие родины связывает с Одессой: «[ч]тобы родиться в Одессе, надо быть литератором».

Апробированный в «Зависти» образ смешного, похожего на Ч. Чаплина, маленького и толстенького пророка (И.Бабичева) был перенесен в реальность (ср. авторские заявления о том, что жизнь после «Зависти» – доказательство автобиографичности образа Кавалерова). В пути от литературы к быту Ю.К.Олеша ориентируется на религиозный не только европейский, но и буддийский контекст. Отказ от материальных благ сопрягается с необходимостью опозитизированного русской литературой страдания. «Созидаю» неудачу, Ю.К.Олеша предвосхищал страдания ожиданием, что его распнут.

Мессианство писателей не было открытием XX века. Ю.К.Олеша здесь опирался на литературные образцы предшествующей эпохи. В этом аспекте значимыми фигурами для него были: Н.В.Гоголь, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский. Особое отношение установилось и с М.Горьким. В своих художественно-документальных дневниках Ю.К.Олеша обращается к неудачам классиков.

Молчание как цена за пятилетнее творчество и одновременно исцеление было вызвано к жизни целым комплексом причин: социально-идеологическими, физиологическими, психологическими и т. д.

Авторская самоидентификация играла здесь не последнюю роль. Ю.К.Олеша 2 марта 1954 г. в «Национале» сказал: «За годы советской власти был написан только один роман «Тихий Дон», а мои «Три толстяка» и «Зависть» – это не романы, а излияния. Сейчас я пишу одно излияние, не для печати, для себя» [7]. В рукописном альманахе К.Чуковского еще 9 января 1930 года писатель оставит следующие строки: «Самым решительным образом в этой знаменательной книге утверждаю: беллетристика обречена на гибель. Стыдно сочинять. Мы, тридцатилетние интеллигенты, должны писать только о себе. Нужно писать исповеди, а не романы... Важней всех романов – самым высоким

литературным произведением тридцатых годов этого столетия будет «Чукоккала» [25, с. 23].

Так «неудача» Ю.К.Олеси была связана еще и с путем, который выбрала литература XX века: от художественности к документальности. В этом аспекте яркой иллюстрацией жизни и творчества писателя будет образ, созданный им самим в романе «Зависть»: «...знаете, бывает, электрическая лампочка неожиданно тухнет. Перегорела, говорите вы. И эту перегоревшую лампочку если встряхнуть, то она вспыхнет снова и будет еще гореть некоторое время. Внутри лампы происходит крушение. Вольфрамовы нити обламываются, и от соприкосновения обломков лампе возвращается жизнь. Короткая, неестественная, нескрываемо обреченная жизнь – лихорадка, слишком яркий накал, блеск. Затем наступит тьма, жизнь не вернется, и во тьме лишь будут позванивать мертвые, обгоревшие нити. Вы понимаете меня? Но короткий блеск прекрасен! ...Я хочу встряхнуть... ..Я хочу встряхнуть сердце перегоревшей эпохи. Лампу-сердце, чтобы обломки соприкоснулись... ..и вызвать мгновенный прекрасный блеск...» [16, с. 68–69]. Так и жизнь писателя была не случайной «неудачей», но спроектированной и успешно претворенной в жизнь моделью крушения и одновременно возвышения Ю. К. Олеси. Разгадка молчания художника дает новый ключ к прочтению его текстов.

Литература:

1. Арзамасцева И.Н. Идеино-эстетические взгляды Ю.К.Олеси: На материале прозы 20-х гг. -М., 1995.
2. Бадиков В. В. Примечания // Олеша Ю.К.Избранное. -М., 1974. - С. 559–575.
3. Бадиков В.В. Вопросы поэтики Юрия Олеси (на материале прозы). -Алма-Ата, 1967.
4. Белинков А.В. Сдача и гибель советского интеллигента. Ю.Олеша. -М., 1997.
5. Беляков С. Европейец в русской литературе: нерусский писатель Юрий Олеша // Урал. -Екатеринбург. 2004. № 10.
6. Беляков С. Хороший плохой писатель Олеша // Урал. -Екатеринбург. 2001. № 9. С. 236–248.
7. Боярский И.Я. Литературные коллажи //http: //www.pereplet.ru /text/boyarSKIY.html.
8. Бурдин В.И. Проблема личности в творчестве Юрия Олеси и художественная индивидуальность писателя. -М., 1968.
9. Вдовина И.П. Творчество Юрия Олеси 20-х годов. -М., 1966.
10. Герасимов С. // Воспоминания о Юрии Олеше. –М., 1975. С. 98–104.
11. Гудкова В. О Юрии Карловиче Олеше и его книге, вышедшей без ведома автора // Олеша Ю.К. Книга прощания. -М., 2001. С. 5–24.
12. Гудкова В. Юрий Олеша и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодетелей». Опыт театральной археологии. -М., 2002.
13. Лобанова Ю.А. Роль женских архетипов в метасюжете инициации героев Ю.Олеси. -Барнаул, 2007.
14. Маркина П.В. Мифопоэтика художественной прозы Ю.К.Олеси. -Барнаул, 2007.
15. Морозова В.А. Роман Юрия Олеси «Зависть» в творческой эволюции писателя. -М., 1970.
16. Олеша Ю.К. Заговор чувств. Романы. Рассказы. Пьесы. Статьи. Воспоминания. Ни дня без строчки. СПб., 1999.
17. Панченко И.Г. Проблема гармонической личности в романе Ю.Олеси «Зависть» и его драматургическом варианте «Заговор чувств» // Вопросы русской литературы. Вып. 2(24). -Львов. 1974.
18. Перцов В.О. «Мы живем впервые». О творчестве Юрия Олеси. -М., 1976.
19. Розанова Е.И. Проза Юрия Олеси. -Киев, 1968.
20. Саморукова И.В. Категория праздника в художественном мире Юрия Олеси. -Свердловск, 1990.

21. Сарнов Б. Министерство любви // Новое время. 2009. № 22 (117). -С. 8–9.
  22. Скалон. Вещь и слово: Предметный мир в советской философской прозе. - Алма-Ата, 1991.
  23. Федякин С.Р. Жанр «уединенного» в русской литературе XX века. -М., 1995.
  24. Чудакова М.О. Мастерство Юрия Олеши. - М., 1972.
  25. Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. -М., 2006. С. 23.
  26. Шитарева О.Г. Проза Юрия Олеши (проблемы творческой лаборатории и поэтики). -М., 1975.
- Язык и стиль произведений И.Э.Бабея, Ю.К.Олеши, И.А.Ильфа, Е.П.Петрова. - Киев, 1991.